

«Татьянин день». Ликующее название книги Татьяны Чураковой сразу обрушивает на читателя поток фотонов и выделяет писателя ярким контуром – твой день, Татьяна! Твой праздник.

Но стоит, скользя по строчкам, проникнуть вглубь, как автор незаметно отступает в сторону, становится почти неразличим, а стихотворение, давшее название всему сборнику, оказывается и во все не о Татьяне, и даже не о мячике, но о жизни.

*Брось, уймись, забудь про мячик!
Где восторг в глазах блестящих,
Смеха колокольчик звонкий?
Что там? Соски да пелёнки?
Паспорт, насморк, сад, обед –
Речь вообще не о тебе.*

Жизнь – поток, в который не войти дважды, течение лет, уносящее вдаль и мячики, и кубики, и всё, чем можно было гордиться, и то, от чего на глазах наворачивались слёзы.

То скрежещет ржавым железом быстрое течение:

*Моторов рычанье и скрежет железный...
Скользят башмаки. Тормозить бесполезно...*

То журчит напевно, по-старинному:

*...Не доехали,
Не спросили мы,
Не услышали ни о чём.*

Тормозить не нужно, спрашивать ни к чему. Остаться на поверхности сияющим лучом – и вот уже становится видно, что, оказывается, одно продолжает другое, всё под рукой – близкое и далёкое, настоящее и прошлое.

Автор проходит по дорожкам Михайловского и не замечает, как снабжённая телевизорами, телефонами и телемарафонами эпоха смыкается со временем неспешных прогулок, и встречный поэт в красной ситцевой рубашке кажется не просто современником – ровесником.

*...Ему двадцать пять, он по сути ребёнок,
Хоть гений – по сути ребёнок всегда...*

Александр Пушкин мерит дорожки железной тростью, Татьяна Чуракова скользит над ясными, пасмурными – разными днями лёгким солнечным лучиком.

*И что-то слилось – и распалось на части:
Не властвует время, бессильны слова.
Лишь недосыгаемость и сопричастность.
Лишь слёзы и тайная радость родства!*

Поэт – неповзрослевший ребёнок, экзотический цветок. Например, заморская гортензия, пересаженная, как в горшок с чернозёмом, в пространство суетливой современности без всякого на то согласия. Всё остальное – акклиматизация.

*И стало вдруг порой тебе казаться,
Что кровь уже теплей в твоих прожилках.
Так проходила акклиматизация –
Ты просто приспособливалась к жизни.*

Жизнь... Повседневность не всегда подходит для жизни, а иногда попросту убивает. Ужас бытия страшнее оттого, что всё слишком обыденно: по-настоящему страшные моменты, так же как секунды неподдельного счастья, втиснуты в промежутки между повседневными насущными заботами. А иногда и вовсе рядятся в яркие обёртки, чтобы легче было поверить: жизнь – непрекращающийся праздник. Хотя даже весёлая свадьба на деле может быть лицемерным карнавалом.

*Тётки, золовки, братья,
Праздника атрибуты –
Это как будто свадьба,
Это любовь как будто...*

По-настоящему страшным это стихотворение становится оттого, что всё оно наполнено бодрым перестуком-перечнем атрибутов радостного события. Но в начале и в конце – пустота. И даже любовь здесь – тень, отблеск чего-то настоящего. Болотный огонёк вместо твёрдой опоры.

Ошибки молодости и подлинные чувства, смерть близких и поездка в тёплые заморские страны – всё одно за другим, жизнь бежит горной речкой, и попробуй встань в этом потоке в полный рост: собьёт, потащит.

Очень важно найти баланс, и странное сопоставление канатоходца и бухгалтера показывает, как это сложно сделать.

Незамутнённая лёгкость большинства стихотворений Татьяны Чураковой кажется не следствием недостатка воображения, но искусством особой выделки, родственным мастерству танцовщицы

на проволоке. Или призрачным даром неосознаваемого полёта: птица не знает, что она небесный канатоходец – но стрижи легко парят в промежутке между жизнью и смертью.

*...звенящие как поток,
Где свобода без всякой меры...
Кто хозяин у них? Никто.
Кроме жизни и кроме смерти.*

Поэты – как стрижи. Хотя не все, конечно. Хрупкий, призрачный, едва уловимый поэтический дар Татьяны Чураковой – дар волшебного полёта над бездной.

Она не борется с потоком, она принимает его звенящие струи – все без остатка – и благодаря этому незримо внутреннему усилию рождаются стихотворения, поэт обретает крылья.

Хотелось бы сказать, что поэзия Татьяны Чураковой замечательна прежде всего тем, что с лёгкостью необыкновенной она превращает в красоту городскую повседневность современного человека. Но это не вся правда. И даже совсем не правда.

Лёгкие и прозрачные стихи о вечных котах, цветах и дворниках соседствуют здесь со стихотворениями, от которых веет неуютом, нелюбовью, смертью. В конце концов даже современная городская жилплощадь далеко не всегда становится домом, болезни всегда рядом, и даже наличие Айфона не гарантирует сертифицированного спасения от одиночества. Но:

*...силы возвращаются незримо,
Как сок весной струится вдоль ствола...*

Естественная, как природа без признаков человека, поэзия Татьяны сама становится источником силы. Бог ведь чем заплатил автор за свои частицы света, быстролетающие фотоны. Взаправду это дар Божий наподобие птичьих упругих крыльев или эти крылья поэту пришлось отращивать самостоятельно – теперь её полёт ярок. Стихотворения больше автора. Тот, кто поднимает голову, чтобы проследить полёт стрижа, видит небо. Тот, кто открывает глаза навстречу стихотворениям Татьяны Чураковой, оказывается в пространстве света.